

DOI 10.37816/2073-9567-2020-55-151-162

УДК 821.161.1

ББК 83.3(2Рос=Рус)



This is an open access article distributed under  
the Creative Commons Attribution 4.0  
International (CC BY 4.0)

© 2020 г. О. О. Путило

г. Волгоград, Россия

## ОБРАЗ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ РОССИИ В АЛЬТЕРНАТИВНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ФАНТАСТИКЕ

**Аннотация:** В статье представлен анализ образа России в произведениях альтернативно-исторической фантастики, рассматриваемых с позиции реализации в них утопических и антиутопических жанровых тенденций. У «альтернативщиков» старшего поколения антиутопические мотивы преимущественно соотносятся с образом Советской России. В романе В. Аксенова «Остров Крым» ей противопоставлены идиллические виды альтернативного Крыма, в финале романа поглощаемые «чужим» пространством материковой России. В произведениях В. Рыбакова и Х. ван Зайчика воссоздана утопическая модель имперской России, в которой благополучно сосуществуют представители всех верований и политических течений. Антиутопические элементы в большинстве своем содержат критику не столько вымышленного, сколько реального мира, напоминая об отрицании писателями старшего поколения экономических и социальных достижений Советского Союза. В творчестве авторов «младшей возрастной группы» демонстрация возможных социальных моделей альтернативной России уходит на второй план, а экзотические пейзажи городов, возникающих на месте знакомых нам поселений, служат единственной цели — эпатировать читателя. Как правило, альтернативные географические образы сопоставимы с реальной действительностью, в их облике синтезируются утопические и антиутопические черты. Так, в дилогии С. Лукьяненко внешне благополучное пространство альтернативной Москвы, предстающее в утопическом ореоле, конструируется антиутопическими средствами.

**Ключевые слова:** хронотоп, пространство, образ России, альтернативно-историческая фантастика, В. Аксенов, В. Рыбаков, Х. ван Зайчик, С. Лукьяненко, В. Звягинцев.

**Информация об авторе:** Олег Олегович Путило — кандидат филологических наук, доцент, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, пр. им. В. И. Ленина, д. 27, 400066 г. Волгоград, Россия. E-mail: dolennor@rambler.ru

**Дата поступления статьи:** 10.01.2019

**Дата публикации:** 28.03.2020

**Для цитирования:** Путило О. О. Образ альтернативной России в альтернативно-исторической фантастике // Вестник славянских культур. 2020. Т. 55. С. 151–162. DOI: 10.37816/2073-9567-2020-55-151-162

Расцвет альтернативно-исторической фантастики в конце XX в. был предопределен целым рядом факторов: если в 1970–1980-х гг. «выбирались такие эпохи и герои, воскрешение которых давало писателю возможность аллюзий, исторических параллелей между прошлым и настоящим» [19, с. 14–15], то в 1990-х популярность жанра определялась неприятием результатов крупнейшей геополитической катастрофы, а также желанием авторов «смоделировать более благоприятную, интересную, красивую альтернативную историю, в которой России как государству и русским как нации уготована лучшая роль, чем в объективной реальности» [21, с. 37].

Само понятие «альтернативная история» подразумевает попытку «исправить» известный всем ход событий, создать альтернативный мир, возникший в результате расхождения двух временных линий в точке бифуркации, где происходит выбор путей дальнейшего развития общества. До этого ключевого момента ход истории одинаков как для вымышленного мира, так и для знакомой нам реальности, возникающие же впоследствии отличия могут варьироваться в широком диапазоне: от минимальных, практически незаметных, до глобальных, кардинально изменяющих образ альтернативного мира.

Список романов, относящихся к жанру альтернативно-исторической фантастики, весьма широк, однако если западные авторы затрагивают события мировой истории, то отечественные писатели чаще всего размышляют об альтернативных путях развития Российского государства, достаточно вспомнить такие произведения, как «Остров Крым» В. П. Аксенова, «Гравилет “Цесаревич”» В. М. Рыбакова, дилогию «Черновик», «Чистовик» С. В. Лукьяненко, цикл «Евразийская симфония (Плохих людей нет)» Хольма Ван Зайчика, «Первый год республики» Л. Р. Вершинина, цикл «Река Хронос» К. Булычева и т. д. Точки бифуркации наши соотечественники обычно связывают «с глобальными историческими катаклизмами, меняющими политический и социальный формат страны, общества, государства» [2, с. 25–26].

В жанровом отношении альтернативно-исторические романы имеют много общего не только с историческими, псевдоисторическими и криптоисторическими романами, но и с утопией/антиутопией<sup>1</sup>, с которой их сближает общая цель — «изобразить мир таким, каким он мог бы быть при определенных условиях» [17, с. 73] — и установка на разработку новых социальных моделей, независимо от того, демонстрируют ли они идеальное мироустройство или содержат его критику. В зависимости от поставленной автором художественной задачи вымышленная Россия наделяется яркими утопическими или антиутопическими чертами, отличающими ее от реально существующего государства: «It is possible to interpret allohistorical narratives, which commonly can be broadly classified as either utopian fantasies or dystopian nightmares in their depiction of altered states of the world, in terms of the position they take towards the contemporary status quo of their authors' reality» [24, с. 22].

Так, в романе В. Аксенова «Остров Крым» (1979) точкой бифуркации становится Гражданская война. В финале многолетнего противостояния «красных» и «белых», в момент штурма Перекопа, двадцатидвухлетний лейтенант английского крейсера Бейли-Лэнд «отвернул исторический процесс» [1, с. 508], в результате чего Крым становится альтернативной Россией.

Советы у Аксенова предстают как технологически отсталое, «изначально неблагоприятное государство» [11, с. 74], пребывающее «в атмосфере тоски и отчаяния» [11,

<sup>1</sup> Следует учитывать, что «утопия и антиутопия — явления одной жанровой природы при всей разности их структур и принципиально различных толкований своего главного предмета — идеального мироустройства (утопия) и его критики во имя того же мироустройства (антиутопия)» [5, с. 3].

с. 75–76]. «Палисадники покосившихся деревенских усадеб», «бузина, надломанные георгины, лужи и глинистое месиво между асфальтом и штакетником» [1, с. 209] соседствуют с кричащими лозунгами, вроде «Народ и партия едины!» — аллюзией на антиутопию Дж. Оруэлла «1984». Не случайно и последующее сравнение В. И. Ленина с Большим Братом [1, с. 209], подчеркивающее, что Советская Россия в романе В. Аксенова становится своеобразной копией Океании, жители которой также подчиняются диктату партии.

Натуралистические картины жизни провинциальных городков, где нет ни сыра, ни масла, ни колбасы, соотносятся с хорошо знакомой читателю советской действительностью конца 1970-х – начала 1980-х гг. Однако СССР — это не только городок Фатеж, символизирующий провинциальную «глубинку», это и столичная Москва, в которой сконцентрированы все блага цивилизации, где «всего навалом». Однако и она по сравнению с Крымом — всего лишь «подобие пещерного города», над которым «бедственно угасает деревенское небо, закат прозябания, индустриальные топи Руси» [1, с. 118]. Метафорическое сопоставление с болотом еще сильнее выделяет невозможность освобождения от пут тоталитарного государства, «вечное издевательство над людьми и вечную тупую покорность» [1, с. 32].

Этой депрессивной картине противопоставляются идиллические виды альтернативного Крыма, «аморально богатый» статус которого подчеркивается огромным количеством автомобилей, главным признаком достатка его граждан. Чудные легчайшие серебристые виадуки Симфи «с кружевами многочисленных съездов и развязок» [1, с. 30] контрастируют с присущим советским городам «разбитым асфальтом главной площади и неизменной фигурой на постаменте» [1, с. 30]. Оба государства мифологизируются, однако если Крым напоминает «рай», то для материковой России подходит определение «ад». Контраст двух пространственных моделей отмечается и географически, и идеологически: с легкой руки дипломатов и жителей полуостровов объявляется «островом», что напрямую отсылает нас к «Утопии» Т. Мора.

Однако роман наследует не только «традиционную для островного текста утопичность» [12, с. 154]. В образе альтернативного Крыма проступают и антиутопические черты, его пространство «сакрально и inferнально одновременно» [12, с. 152]. Временами крымские пейзажи перестают походить на картины райского сада: «Сорокаметровые бетонные стоны на выездах из Узла, измазанные сверху донизу всеми красками спектра, считаются даже чем-то вроде достопримечательностей столицы, чуть ли не витринами островной демократии. Впрочем, а Крыму любая стенка — это витрина демократии» [1, с. 26], — в лучших традициях антиутопического жанра негативные стороны общественного строя выдаются за позитивные. Восприятие русскими жителями СССР Крыма как полностью чужого государства является не только следствием пропаганды, Остров и в самом деле заслуженно обретает статус «подозрительного злачного места, международного притона, Эльдорадо авантюристов, шпионов», становится символом «западного разврата» [1, с. 109]. Идея Общей Судьбы, которую проповедует Лучников, приводит к интериоризации, поглощению «своего» пространства островного Крыма «чужим» пространством материковой России. В финале романа они представляют собой общее альтернативное пространство, в котором преобладают антиутопические тенденции<sup>2</sup>.

<sup>2</sup> Именно по этой причине некоторые исследователи отмечали преобладание в финале произведения антиутопических элементов, вытесняющих утопическое начало: «Создавая произведение в жанре романа альтернативной истории, Аксенов уходит от антиутопии в чистом виде, однако финал романа, повествующий о военной операции по присоединению Крыма к СССР, антиутопичен» [18, с. 52].

Попытка создать альтернативный советской истории вариант развития событий предпринимается и в романе В. Звягинцева «Одиссей покидает Итаку» (1992). Вмешательство героев-«попаданцев» в события Великой Отечественной войны приводит к «смягчению крайностей режима» и появлению декретов и указов, демонстрирующих «нерушимое единство народа, право на свободу мнений внутри и вне партии, роль церкви как выразительницы народного духа, призыв ко всем соотечественникам дома и за рубежом сплотиться, независимо от прошлых разногласий, на единой платформе защиты Родины, намек на послевоенную демократию» [9]. Отмена репрессий должна была привести к «настоящей» победе, которая превратила бы «СССР в абсолютного экономического, политического и военного гегемона в мире» [9], однако таким образом антиутопия в масштабе государства сменилась бы на антиутопию мирового масштаба, тем более что планета попадала под управление инопланетян — аггров.

В другом альтернативно-историческом романе — «Гравилет “Цесаревич”» (1992) Вячеслава Рыбакова — Российская империя в конце XX в. сохраняет монархическую модель управления, ускоряющую ее развитие, поскольку государь-император всегда может «по-родственному снести с кайзером» [20, с. 245]. В итоге страна не только благополучно избегает революции, участия в обеих мировых войнах, она активно сотрудничает с западными державами, реализуя проект п-остройки линии гравитаторов до Марса. При этом сама идея гравилетов наглядно демонстрирует плюсы общемирового единства, потому что «все страны при полетах должны пользоваться общей сетью, она одна на всех. Даже при конфликтах никому в голову не придет нанести ей ущерб — сам пострадаешь ровно в той же степени, что и противник» [20, с. 277].

Оригинальность альтернативной реальности «Гравилета...» заключается в том, что именно она объявляется базовым, константным миром, в то время как известная нам вселенная — всего лишь кристалл, в котором «техническими средствами достигнута предельная концентрация насилия» [10]. Гениальный ученый и революционер Ступак, считавший царскую Россию «выгребной ямой мировой цивилизации» [20, с. 235], использует свое изобретение для развития агрессивности жителей кристалла, полагая, что таким образом сможет повлиять и на обитателей альтернативного мира, привнеся «в спящих людей благодный огонь неприятия такого, с позволения сказать, счастья <...>, чтобы ярость клокотала в жилах у всякого» [20, с. 232]. Последствия этого эксперимента приводят к пандемии немотивированной жестокости, представляющей собой аллюзию на роман Ф. М. Достоевского «Бесы», в котором социализм сравнивается с одержимостью.

В целом, альтернативная Россия в романе В. Рыбакова предстает как утопическое государство, в котором идиллически сосуществуют представители всех верований и политических течений. Местный коммунизм становится религией нравственно-этического толка, которую возглавляет патриарх с говорящим именем Михаил Сергеевич. Однако в произведении находится место и антиутопическим элементам, которые в большинстве своем связываются с нашей реальностью. Контрастность двух миров подчеркивает символическое противопоставление гравилетов самолетам, которые «жгут прорву топлива, то и дело падают и гробят массу невинных людей, прожигают каждым рейсом во-от такие <...> мертвые коридоры в кислородной составляющей атмосферы, не выжимают, за редкими исключениями, и тысячи километров в час», но зато летают «не завися ни от кого! Суверенно!» [20, с. 277].

Эпилог, в котором герой наблюдает за альтернативным настоящим в мире-кристалле, наглядно свидетельствует о том, что пространство нашего мира — «чужое»

не только для него, но и для коренных обитателей этой действительности: «И, уже задыхнувшись в крошечной тесноте мешковины, залитый хлынувшей внутрь поганой жижей, я понял наконец, почему мир, где я прожил без малого полвека, при всех режимах и женщинах был мне чужим» [20, с. 300]. Инаковость, опасность этого пространства подчеркивается мотивом грязи, поганой жижи, в которой в конечном итоге и упокоился Альсан Петрович. Разрушение Советского Союза здесь знаменует очередной «перedel мира», новую гражданскую войну, в которой «железные когорты совхоза “Ленсоветовский”, усиленные двумя десятками чеченских киллеров-профессионалов» [20, с. 294], теснят вырицких «гвардейцев», а провинциальные пейзажи отчетливо напоминают «знакомые по хроникальным фильмам кадры самоотверженного труда советских тыловых женщин в сорок первом году. Рвы, надолбы, огневые точки...» [20, с. 293].

Еще один пример альтернативной истории представлен в цикле «Евразийская симфония (Плохих людей нет)» (2000–2005) Хольма ван Зайчика, общего псевдонима Вячеслава Рыбакова и Игоря Алимова. В результате добровольного объединения Руси и Золотой орды в XIII в. создается Ордусь — новое, рационально организованное государство, претендующее на роль утопии. «На основе сложного синтеза идей христианства и конфуцианства Ордусь создает мультикультурное общество, сознательно противопоставленное “варварской” западной цивилизации, погрязшей в корысти и бездуховности. Целью развития такого передового государства и его жителей является достижение всеобщей Гармонии, на основании уже известных принципов этической регуляции общественных отношений, которые сформулированы в форме религиозных учений» [13, с. 38].

Логичность и справедливость государственного устройства подчеркивает система наказаний: «Высшая справедливость требует, чтобы за одинаковые проступки богатый получал все же чуточку более суровое наказание, чем бедный. Ведь тому, кто богат, легче получить воспитание, правда? Значит, невоспитанность у богатого — несколько больший грех. И тут именно так и выходит, ведь у богатых кожа всегда чуточку нежнее, чем у бедных, и они всегда чуточку больше боятся боли!» [4, с. 105–106]. Однако само наличие такой системы говорит о том, что не все жители Ордуси благопристойны (иначе главный герой — сыщик Багатур Лобо — остался бы без работы). Государству не удалось достичь полной идиллии, но серьезные преступления здесь не совершались уже в течение девяноста шести лет: именно столько не применялась высшая мера — общесемейное «публичное обречение головы и подмышек с последующим пожизненным заключением» [4, с. 82]. Не случайно ответственными за «дерзкое и святотатственное хищение из ризницы Александрийской Патриархии чудесно обретенного аметистового наперсного креста святителя и великомученика Сыся» [4, с. 29] становятся «жадные варвары» — иностранцы.

Несмотря на следование утопическим традициям, подмеченное критиками (см., например: [6]), не менее обоснованно мнение, что цикл представляет собой «альтернативно-историческую антиутопию» [13, с. 38]. Мы видим, как свобода граждан ограничивается жесткими моральными нормами, определяемыми следованием выбранной религиозно-философской этике: так, католическая вера, запрещавшая брать вторую жену и разводиться с первой, стала причиной несчастной любви Бибигуль Хаимской и Джанибека Гречковича Непроливайко. Есть в Ордуси и узаконенная коррупция, например, «древняя ордусская традиция» «Мзда на счастье» — денежное подношение таможенному вэйбину.

Образ России в диалогии С. Лукьяненко «Черновик» (2005), «Чистовик» (2007) отличается от того, что мы встречаем в классических альтернативно-исторических романах. Автор предлагает несколько альтернативных моделей, временные линии которых асинхронны, а точки бифуркации отнесены в доисторическое время, вследствие чего все они обладают принципиально разными физическими характеристиками.

Ключевым альтернативным миром является Земля I или Аркан, родина функционалов, управляющих развитием остальных параллельных миров. Время здесь опаздывает на 50 лет, что позволяет местным обитателям учиться на чужих ошибках: «Тут ведь даже революция иначе произошла! Почти бескровно. Гражданской войны не было. Наша-то Земля давно использовалась для сравнения, поэтому местную революцию контролировали» [15, с. 264].

Альтернативная Москва предстает перед главным героем в утопическом ореоле, подчеркивающим, что перед ним «та же самая родина. Только правильная. Избавленная от ошибок. Набело написанная» [15, с. 265]. Герой романа отмечает «живые, незамусоренные парки» [15, с. 245] и фонари «с чистыми и целыми стеклами» [15, с. 249], резко контрастирующие с известным ему столичным образом. В пользу Аркана говорит и отсутствие «ужасного» памятника Петру Первому, изначально бывшего памятником Колумбу, и стоящая на месте какого-то уродливого министерства старая церквушка. Герою кажется, что он попал «в какую-то коммунистическую утопию, выжившую вопреки всей исторической логике» [15, с. 250].

Однако, несмотря на все преимущества, идеализированная Москва остается для Кирилла «чужой», герою кажется бесчестным то преимущество, которое получил этот альтернативный мир за счет отставания временной линии. Он отклоняет предложение остаться в нем, понимая, что первое впечатление оказывается обманчивым, ведь жителям Аркана не удалось построить совершенное общество на всей планете: не случайно альтернативная Россия заполнена африканскими беженцами. Внешне благополучное пространство конструируется антиутопическими методами: местные обитатели проводят жестокие эксперименты над параллельными мирами, ради сохранения тайны они готовы пожертвовать даже своими собратьями, о чем свидетельствует знак старой катастрофы — огромный вздыбившийся холм в центре Москвы, нарушающий архитектурную идиллию города.

Если аркановская Москва все же сохраняет большое количество элементов, позволяющих соотнести этот образ с картинами реальной действительности, то в Верозе герой Лукьяненко обнаруживает на месте столицы совершенно незнакомый и не похожий на Москву мусульманский город Орысалтан, чьи виды вызывают у него «легкую оторопь»: «Здесь и впрямь был Кремль. На башнях вместо звезд или орлов были водружены золотистые треугольники. Честное слово, я бы обрадовался хоть арабским полумесяцам, хоть иудейским шестиконечным звездам — это было бы понятно. А треугольники?» [16, с. 130]. Похожее впечатление на представителя нашего мира могли бы произвести и виды Александрии Невской, альтернативного Санкт-Петербурга в Орду-си: «Морось не в силах была скрыть слегка размытый, но все равно величественный и прекрасный контур храма Конфуция; по конькам многоярусных крыш его в затылок друг другу выстроились оскалившиеся на злых духов львята, а желтая черепица блестела от дождя» [4, с. 12]. «Рядом в небо врезалась пронзительная и тонкая, воздушная пагода Храма Света Будды, толпились крыши прочих строений, сливаясь с сооружениями светскими» [4, с. 13].

И у Лукьяненко, и у Ван Зайчика экзотические пейзажи городов, возникших на месте знакомых нам поселений, служат единственной цели — эпатировать читателя. При этом эти альтернативные топосы вбирают в себя и европейские, и азиатские корни географического образа России, олицетворяющие его «славотюркику» [8, с. 213]. Авторы намеренно упоминают хорошо узнаваемые объекты, трансформируя их в соответствии с колоритом вымышленного пространства, чтобы подчеркнуть их связь с локусами реального мира. Для Орысалтана сохраняется знаковый образ московского Кремля, а для Александрии Невской — Медный всадник, в народе называемый чаще Жасминовым из-за обилия цветущих вокруг него «нежных и сказочно ароматных кустов» [4, с. 35].

Результаты заочного сопоставления городов подчеркивают не только утопичность вымышленного пространства (аркановская Москва в дилогии Лукьяненко), но и его антиутопичность: в Ордуси заштатный городок Мосыке, «был известен исключительно своими гигантскими чадными заводами по производству низкопробных дурмящих напитков и зелий для самых невзыскательных и малокультурных слоев населения Ордуси» [4, с. 26]. Контраст живой природы и эксплуатирующей ее цивилизации еще нагляднее демонстрирует неидеальность Ордуси.

Во всех проанализированных нами романах образ альтернативной России включает в себе как утопическое, так и антиутопическое начала, степень соотношения которых во многом определяется мировоззренческой позицией автора. В своей монографии, посвященной историко-фантастическому роману, Е. И. Петухова и И. В. Черный разделяют авторов альтернативно-исторических романов на три возрастные группы: старшую (Кир Булычев, В. Звягинцев и др.), среднюю (А. Валентинов, Л. Вершинин, А. Лазарчук, М. Успенский, С. Логинов, В. Рыбаков, С. Синякин, Д. Трускиновская и др.) и младшую (А. Бессонов, Р. Злотников, С. Лукьяненко, А. Мартьянов, Г. Л. Олди, В. Сержин и др.) [19, с. 22].

У В. Аксенова, как и у других авторов старшей группы, побудительным мотивом для написания романа «Остров Крым» «стал стойкий антикоммунизм, лично выстраданный писателями» [19, с. 22]. В прозе представителей этого поколения, сталкивавшихся с ограничениями со стороны Советской власти, антиутопические мотивы звучат намного чаще, но касаются они преимущественно образа альтернативной Советской России. Именно поэтому Остров Крым предстает как «особое, чужое пространство, противопоставленное своему» [12, с. 151].

В творчестве авторов второй группы отчетливо прослеживается «неудовлетворенность результатами событий 1987–1991 годов» [19, с. 22]. «Тоска по былому, по временам империи» [19, с. 22] реализуется в виде преимущественно утопической модели альтернативной России, «мощного государства, обеспечивающего политическую стабильность и экономическое процветание» [14, с. 179]. Утопии 1990-х гг. близки антиутопиям советской литературы в своем отрицании экономических и социальных достижений Советского Союза, в ориентации на демократические ценности.

В романе В. Рыбакова «Гравилет “Цесаревич”» вымышленная Россия кажется более безопасной, чем знакомая реальность начала 1990-х гг., получающая «характеристики хаотических локусов, несущих отрицательную семантику, таящих в себе угрозу» [3, с. 316]. Функции «своего» и «чужого» пространства инвертируются: «чужое» для читателя пространство альтернативной России обретает черты «своего» пространства, связанного «с гармонией, высшим проявлением мирового всеединства» [3, с. 316].

Идея имперского строя как необходимого условия «процветания общества, основанного на принципах высокой этики, религиозной духовности, веротерпимости и эстетической культуре» [14, с. 176], сохраняется и в альтернативно-исторических произведениях рубежа XX–XXI вв. Разделение России в романе В. Рыбакова «На будущий год в Москве» (2003) на десятки независимых государств подчеркивает, что свободные, но лишённые имперского величия карликовые государства не могут обладать достаточной силой, чтобы обрести утопический характер. Эту же мысль подчеркивает и цикл Х. ван Зайчика «Евразийская симфония (Плохих людей нет)»: «...империя совсем не обязательно должна быть кровавой, империя — это вообще не совсем то и даже совсем не то, против чего так яростно борется демократическая общественность» [7]. Тем не менее в поздних альтернативно-исторических романах В. Рыбакова антиутопические мотивы заметно усиливаются, ведь «историческое сознание автора формируется в конкретно-исторической среде и каждый писатель, несомненно, испытывает влияние актуального социокультурного контекста» [13, с. 4]. Их присутствие в альтернативно-фантастических утопиях отражает критику не столько мира вымышленного, сколько мира реального, устанавливая таким образом преемственность с творчеством «альтернативщиков» старшего поколения, реализуя свойственное и тем, и другим стремление к эскапизму, желанию «убежать» от неприятной действительности, которая воспринимается «как пространство кризисов, проблем, разочарований и надежд» [22, с. 20].

В диалогии С. Лукьяненко, как и у других «молодых» писателей, «практически нет политики, размышлений авторов над сущностью и особенностями исторических процессов» [19, с. 22]. В обликах возникших в параллельных мирах городов утопические и антиутопические элементы сочетаются в произвольном порядке. Начиная с 2000-х гг. вымышленный мир постепенно перестает играть самостоятельную роль: демонстрация возможных социальных моделей в альтернативно-исторических романах уходит на второй план, фантастическое пространство становится, скорее, фоном, призванным максимально удивить и героя, и читателя своей непохожестью на известную им реальную действительность.

Сегодня «чистая» альтернативно-историческая фантастика занимает одно из первых мест в массовой литературе. И хотя на книжных прилавках она представлена в первую очередь многочисленными романами о «попаданцах», в рамках этого жанра существуют произведения, открывающие истинную причину его популярности, которая заключается в том, что «утопические, антиутопические, в целом дистопические сюжеты в литературе становятся распространенными в эпохи, когда в обществе утверждается мысль, что существующая ситуация утвердилась надолго и имеет явную тенденцию лишь ухудшаться в будущем, а людей не покидает ощущение отчуждения от участия в истории» [23]. На наш взгляд, потенциал этого жанра действительно раскрывается в полной мере лишь на стыке с такими жанрами «большой» литературы, как антиутопия и утопия.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Аксенов В. Остров Крым. М.: Э, 2018. 608 с.
- 2 Ащеулова И. В. Русская постмодернистская историческая проза в контексте современной русской культуры // Язык и культура. Сб. ст. XXV Междунар. научн. конф., посвящ. Году культуры в России / отв. ред. С. К. Гураль. Томск: Изд-во ТГУ, 2015. С. 23–31.

- 3 *Барашкова А. В.* Принципы художественного мифологизма в жанре фэнтези // *Личность. Культура. Общество.* 2010. Т. 12. № 3 (57–58). С. 315–318.
- 4 *Ван Зайчик Х.* Дело жадного варвара. СПб.: Азбука-классика, 2003. 288 с.
- 5 *Воробьева А. Н.* Русская антиутопия XX — начала XXI веков в контексте мировой антиутопии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2009. 48 с.
- 6 *Гаврилов А.* Шерлок Холмс на острове Утопия: [Рец. на книгу Х. ван Зайчика «Дело жадного варвара» (СПб., 2000)] // *Книжное обозрение.* 4 декабря. С. 7.
- 7 *Гориченский А.* Империя наносит ответный удар. Пока — удар литературный // *Orduss.pvost.org.* URL: [http://orduss.pvost.org/pages/press\\_5.html](http://orduss.pvost.org/pages/press_5.html) (дата обращения: 07.01.2018).
- 8 *Замятин Д. Н.* Культура и пространство: Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 488 с.
- 9 *Звягинцев В.* Одиссей покидает Итаку // *Itaka.pw.* URL: <http://itaka.pw/book/01/?001> (дата обращения: 07.01.2019).
- 10 *Каплан В.* Заглянем за стенку // *Новый Мир.* 2001. № 9. С. 156–170.
- 11 *Козлова С. М.* Альтернативы прошлого и будущего России в современной отечественной прозе // *Вестник ТГУ. Филология.* 2008. № 3. С. 73–81.
- 12 *Ларионова М. Ч., Горницкая Л. И.* «Остров Крым» В. Аксенова: география в контексте мифа // *Крым и южные рубежи России: сб. науч. ст. / отв. ред. С. И. Лукьяшко.* Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2017. С. 148–155.
- 13 *Лобин А. М.* Концепции истории и формы их художественной репрезентации в русской литературе начала 21 века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2018. 51 с.
- 14 *Лобин А. М.* Утопические проекты истории России в современной исторической беллетристике // *Научный диалог.* 2018. № 10. С. 171–183.
- 15 *Лукьяненко С. В.* Черновик. М.: АСТ, 2018. 352 с.
- 16 *Лукьяненко С. В.* Чистовик. М.: АСТ, 2018. 352 с.
- 17 *Новохатский Д. В.* Жанровый статус художественной альтернативной истории // *Литература в контексті культури.* 2013. № 23 (2). С. 70–78.
- 18 *Осьмухина О. Ю., Махрова Г. А.* Специфика жанра романа альтернативной истории (на материале отечественной прозы 1990-х – 2000-х гг.) // *Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина.* 2013. Т. 1. № 4. С. 50–58.
- 19 *Петухова Е. И., Черный И. В.* Современный русский историко-фантастический роман // *Rulit.me.* URL: <https://www.rulit.me/books/sovremennyj-russkij-istoriko-fantasticheskij-roman-get-504772.html> (дата обращения: 07.12.2018).
- 20 *Рыбаков В.* Гравилет «Цесаревич». М.: Э, 2018. 576 с.
- 21 *Рыльщикова Л. М., Худяков К. В.* Альтернативная реальность как популяризованный элемент научно-фантастического дискурса // *Lingua mobilis.* 2011. № 7 (33). С. 34–39.
- 22 *Фрумкин К. Г.* Альтернативно-историческая фантастика как форма исторической памяти // *Историческая экспертиза.* 2016. № 4. С. 17–28.
- 23 *Чанцев А.* Фабрика антиутопий: дистопический дискурс в российской литературе середины 2000-х // *Новое литературное обозрение.* 2007. № 86. С. 269–301. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/86/cha16.html> (дата обращения: 07.01.2019).
- 24 *Schenkel G.* Alternate history — alternate memory: counterfactual literature in the context of german normalization. Berlin: M. A., Freie Universität Berlin, 2006. 202 p.

\*\*\*

© 2020. Oleg O. Putilo  
Volgograd, Russia

### ALTERNATIVE IMAGE OF RUSSIA IN ALTERNATE HISTORY FICTION

**Abstract:** The paper provides an analysis of the Russia's image in the works of alternate history fiction, examined in terms of the implementation of utopian and dystopian genre trends in them. The "alternative" writers of the older generation mainly correlate anti-utopian motifs with the image of Soviet Russia. Thus in his novel "The Island of Crimea" V. Aksenov confronts the former with idyllic views of the alternative Crimea, which, at the end of the novel, are absorbed by an "alien" space of the Russian mainland. The works of V. Rybakov and H. van Zaichik recreate the utopian model of Imperial Russia, in which representatives of all beliefs and political currents safely coexist. For the most part the anti-utopian elements criticize not so much the fictional as the real world, reminding of the older generation writers' denial of economic and social achievements of the Soviet Union. In the works by "younger age group" authors, the displaying of possible social models of alternative Russia is the matter of secondary concern, while exotic landscapes of cities arising on the site of familiar settlements, serve the only purpose — to shock the reader. As a rule, alternative geographical images are comparable to the actual reality, but utopian and dystopian features are synthesized in their appearance. For example, in his novels, Sergei Luk'ianenko uses dystopian means to construct a seemingly safe space of alternative Moscow, appearing in a utopian halo.

**Keywords:** chronotope, space, image of Russia, alternate history fiction, V. Aksenov, V. Rybakov, H. van Zaichik, S. Luk'ianenko, V. Zviagintsev.

**Information about author:** Oleg O. Putilo — PhD in Philology, Associate Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University, V. I. Lenina Ave 27, 400066 Volgograd, Russia. E-mail: dolennor@rambler.ru

**Received:** January 10, 2019

**Date of publication:** March 28, 2020

**For citation:** Putilo O. O. Alternative image of Russia in alternate history fiction. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2020, vol. 55, pp. 151–162. (In Russian) DOI: 10.37816/2073-9567-2020-55-151-162

#### REFERENCES

- 1 Aksenov V. *Ostrov Krym* [The Island Of Crimea]. Moscow, E Publ., 2018. 608 p. (In Russian)
- 2 Ashcheulova I. V. Russkaia postmodernistskaia istoricheskaja proza v kontekste sovremennoi russkoi kul'tury [Russian postmodern historical prose in the context of modern Russian culture]. *Iazyk i kul'tura. Sbornik statei XXV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi Godu kul'tury v Rossii* [Language and culture. Proceedings of the XXV International scientific conference dedicated to the year of culture in Russia], executive edited by S. K. Gural'. Tomsk, Izdatel'stvo TGU Publ., 2015, pp. 23–31. (In Russian)

- 3 Barashkova A. V. Printsipy khudozhestvennogo mifologizma v zhanre fentezi [Principles of artistic mythologism in the fantasy genre]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*, 2010, part 12, no 3 (57–58), pp. 315–318. (In Russian)
- 4 Van Zaichik Kh. *Delo zhadnogo varvara* [The case of a greedy barbarian]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2003. 288 p. (In Russian)
- 5 Vorob'eva A. N. *Russkaia antiutopiia XX – nachala XXI vekov v kontekste mirovoi antiutopii* [Russian dystopia of the 20<sup>th</sup> – early 21<sup>st</sup> centuries in the context of the world dystopia: author's review: PhD thesis, summary]. Saratov, 2009. 48 p. (In Russian)
- 6 Gavrilov A. Sherlok Kholms na ostrove Utopiia: [Rets. na knigu Kh. van Zaichika “Delo zhadnogo varvara” (SPb., 2000)] [Sherlock Holmes on Utopia island: [REC. on the book by H. van Zaychik “The case of the greedy barbarian” (St. Petersburg., 2000)]]]. *Knizhnoe obozrenie*, 4 Desember, p. 7. (In Russian)
- 7 Gorichenskii A. Imperiia nanosit otvetnyi udar. Poka — udar literaturnyi [The Empire strikes back. With a literary blow — for now]. *Orduss.pvost.org*. Available at: [http://orduss.pvost.org/pages/press\\_5.html](http://orduss.pvost.org/pages/press_5.html) (accessed 07 January 2019). (In Russian)
- 8 Zamiatin D. N. *Kul'tura i prostranstvo: Modelirovanie geograficheskikh obrazov* [Culture and space: Modeling geographical images]. Moscow, Znak Publ., 2006. 488 p. (In Russian)
- 9 Zviagintsev V. Odissei pokidaet Itaku [Odysseus leaves Ithaca]. *Itaka.pw*. Available at: <http://itaka.pw/book/01/?001> (accessed 07 January 2019). (In Russian)
- 10 Kaplan V. Zaglianem za stenku [Let's look behind the wall]. *Novyi Mir*, 2001, no 9, pp. 156–170. (In Russian)
- 11 Kozlova S. M. Al'ternativy proshlogo i budushchego Rossii v sovremennoi otechestvennoi proze [Alternatives of the past and future of Russia in modern Russian prose]. *Vestnik TGU. Filologiya*, 2008, no 3, pp. 73–81. (In Russian)
- 12 Larionova M. Ch., Gornitskaia L. I. “Ostrov Krym” V. Aksenova: geografiia v kontekste mifa [“The island of Crimea” by V. Aksenov: geography in the context of myth]. *Krym i iuzhnye rubezhi Rossii: sbornik nauchnykh statei* [Crimea and southern borders of Russia: a collection of scientific articles], executive edited by S. I. Luk'iashko. Rostov-na-Donu, Izdatel'stvo IuNTs RAN Publ., 201, pp. 148–155. (In Russian)
- 13 Lobin A. M. *Kontseptsii istorii i formy ikh khudozhestvennoi reprezentatsii v russkoi literature nachala 21 veka* [Concepts of history and forms of their artistic representation in Russian literature of the early 21<sup>st</sup> century: author's review: PhD thesis, summary]. Saratov, 2018. 51 p. (In Russian)
- 14 Lobin A. M. Utopicheskie proekty istorii Rossii v sovremennoi istoricheskoi belletristike [Utopian projects of Russian history in modern historical fiction]. *Nauchnyi dialog*, 2018, no 10, pp. 171–183. (In Russian)
- 15 Luk'ianenko S. V. *Chernovik* [Draft]. Moscow, AST Publ., 2018. 352 p. (In Russian)
- 16 Luk'ianenko S. V. *Chistovik* [Fair copy]. Moscow, AST Publ., 2018. 352 p. (In Russian)
- 17 Novokhatskii D. V. Zhanrovyy status khudozhestvennoi al'ternativnoi istorii [Genre status of artistic alternative history]. *Literatura v konteksti kul'turi*, 2013, no 23 (2), pp. 70–78. (In Russian)
- 18 Os'mukhina O. Iu., Makhrova G. A. Spetsifika zhanra romana al'ternativnoi istorii (na materiale otechestvennoi prozy 1990-kh – 2000-kh gg.) [Specificity of the genre of the alternate history novel (based on domestic prose of the 1990s – 2000s)]. *Vestnik LGU im. A. S. Pushkina*, 2013, vol. 1, no 4, pp. 50–58. (In Russian)

- 19 Petukhova E. I., Chernyi I. V. *Sovremennyi russkii istoriko-fantasticheskii roman* [Modern Russian historical fiction novel]. *Rulit.me*. Available at: <https://www.rulit.me/books/sovremennyj-russkij-istoriko-fantasticheskij-roman-get-504772.html> (accessed 07 January 2018). (In Russian)
- 20 Rybakov V. *Gravilet "Tsesarevich"* [Gravicraft "Crown Prince"]. Moscow, E Publ., 2018. 576 p. (In Russian)
- 21 Ryl'shchikova L. M., Khudiakov K. V. Al'ternativnaia real'nost' kak populiarizovannyi element nauchno-fantasticheskogo diskursa [Alternative reality as a popularized element of science fiction discourse]. *Lingua mobilis*, 2011, no 7 (33), pp. 34–39. (In Russian)
- 22 Frumkin K. G. Al'ternativno-istoricheskaia fantastika kak forma istoricheskoi pamiati [Alternate history fiction as a form of historical memory]. *Istoricheskaia ekspertiza*, 2016, no 4, pp. 17–28. (In Russian)
- 23 Chantsev A. *Fabrika antiutopii: distopicheskii diskurs v rossiiskoi literature serediny 2000-kh* [Factory of dystopias: dystopian discourse in Russian literature of the mid-2000s]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2007, no 86, pp. 269–301. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/86/cha16.html> (accessed 07 January 2018). (In Russian)
- 24 Schenkel G. *Alternate history — alternate memory: counterfactual literature in the context of german normalization*. Berlin, M. A., Freie Universität Berlin Publ., 2006. 202 p. (In English)